

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В.Ю. Кузнецов

Пересборка субъектов и проблема развития

Кузнецов Василий Юрьевич – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: vassilik@yandex.ru

Статья посвящена обсуждению проблем, поднятых в книге В.Е. Лепского «Аналитика сборки субъектов развития». Лепский прямо ставит проблему субъекта развития как философскую, но не останавливается только на ее концептуальном анализе, а предлагает конкретные пути и способы для применения результатов произведенных работ в проектах развития в разных масштабах. Позитивное мышление нацеливает на поиск безусловно имеющихся выходов из любой ситуации, даже если она кажется безвыходной при трезвом и последовательно критичном рассмотрении. Поэтому нельзя не поддержать последовательно оптимистический взгляд Лепского на современную ситуацию – очень сложную на разных уровнях рассмотрения, в том числе в смысле поиска возможных путей ее развития. Первый вопрос – это вопрос о субъекте развития. Постнеклассический субъект уже не может и не должен рассматриваться по классической модели самопрозрачного для самого себя цельного монолита. Для описания и моделирования подобных сложностных рефлексивных образований и сверхсложных неравновесных систем требуются междисциплинарные исследования. Некоторые направления такого рода исследований (представленные, например, в работах Г.П. Щедровицкого и В.А. Лефевра, В.И. Аршинова и Я.И. Свирского) уже задействованы Лепским. Однако не менее важным могло бы стать использование концепции сетей Латура и теории социальных эстафет М.А. Розова. Вдобавок субъектам развития приходится, чего Лепский, к сожалению, не учитывает, не только выстраивать новое, но и преодолевать инерцию старого – цивилизационных и социокультурных традиций, предупреждать возникновение деструктивных и негативных факторов роста, а также смягчать возникающие в этом процессе конфликты и каким-то образом компенсировать очень болезненно переживаемые людьми трансформации тех узловых точек, которые психологически связывают их с привычными практиками и образом жизни.

Ключевые слова: субъект, субъект развития, постнеклассика, постнеклассический субъект, междисциплинарность, целеполагание, рефлексия, экология разума

Развитие обсуждалось в философии обычно как естественный или естественно-исторический процесс – в неявном предположении, что происходит оно само, так что вопрос о субъекте развития не мог быть даже поставлен. С другой стороны, распространение в последнее время разного рода психотерапевтиче-

ских и управленческих прикладных исследований свидетельствует, что ответ на вопрос о субъекте действия становится не только теоретически назревшим, но и практически востребованным.

Книга Лепского прямо ставит проблему субъекта развития как философскую, но не останавливается только на ее концептуальном анализе, а предлагает конкретные пути и способы для применения результатов произведенных разработок в проектах развития в разных масштабах – вплоть до развития нашей страны в целом. Это мощная и обоснованная¹ попытка дать ответ на интеллектуальный вызов нашего времени, которая заслуживает серьезного отношения. Поэтому стоит воздержаться от реферативного изложения ее тезисов, а наметить несколько основных проблемных линий, по которым предложенное исследование можно было бы подвергнуть критике и дополнить.

Утверждение целеполагания

Даже утверждение развития в качестве прямо заявляемой цели сегодня уже отнюдь не кажется самоочевидным. И дело не только в достаточно радикальной и во многом справедливой критике европейских версий прогресса и модерна – критике, которая разворачивается уже более века, но и том непростом и неоднозначном экзистенциальном выборе, который в том или ином виде стоит перед каждым человеком. Ведь неизбежное и тяжело переживаемое расхождение между желаемым и действительным можно преодолевать двумя стратегически противоположными путями – или смирять свои претензии и приспособляться так или иначе к имеющейся ситуации, или же все-таки развивать себя и пытаться преобразовывать ситуацию. Понятно, что второй путь требует больших усилий и совсем не гарантирует быстрого результата; менее очевидно, что реальной альтернативы ему, строго говоря, нет, ибо условия имеют тенденцию ухудшаться, а конкуренты обычно не дремлют, так что в какой-то момент все возможные способы адаптации будут исчерпаны, и все равно придется задуматься о неизбежности развития (или вымирания) – уже в менее благоприятных условиях. То же самое будет верно и для коллективов, организаций и даже стран. Другое дело, что способы развития могут быть различными, но это уже спор о средствах достижения цели.

Позитивное мышление в этом смысле предполагает вовсе не провозглашение наличной ситуации самой по себе достаточно хорошей, указывая на (несомненно присутствующие или воображаемые) достоинства и закрывая глаза на (вытесняемые и неочевидные) отдельные недостатки. Позитивное мышление все-таки нацеливает на поиск безусловно имеющихся выходов из любой ситуации, даже если она кажется безвыходной при трезвом и последовательно критичном рассмотрении.

Поэтому нельзя не поддержать последовательно оптимистический взгляд Лепского на современную ситуацию – очень сложную на разных уровнях рассмотрения и очень непростую в смысле поиска возможных путей ее развития. Но для успешного решения данной проблемы необходим, прежде всего, неуклонный критический анализ.

¹ Судя по многочисленным ссылкам на предыдущие работы, данная книга представляет собой определенный итог многолетних исследований автора.

Проблема субъекта

Первый вопрос, на который требуется дать ответ, как совершенно справедливо отмечает Лепский, это вопрос о субъекте развития – вопрос о том, кто может и будет развиваться, кто поставил себе такую цель, осознал неизбежность, важность и нужность развития, кто твердо собирается развиваться и кто сделает для этого все необходимое и достаточное.

Вообще говоря, в классической философии эмпирический субъект – человек – рассматривался, прежде всего, как носитель субъективных (т. е. не-объективных, частных, личных) мнений и предрассудков, от которых на пути мышления и познания требуется избавиться, чтобы достичь истинного объективного знания. В неклассической же философии субъекта попытались объективировать посредством выявления систематически влияющих на него факторов, чтобы все субъективные мнения и предрассудки представить в виде действующих через человека безличных сил (таких как социальные структуры, экономические отношения, властные дискурсивные практики, психические функции, бессознательные порывы, культурные традиции, языковые нормы и т. д., и т. п.), а тем самым в пределе деконцептуализировать субъекта, лишив его вместе с личной субъективностью также и субъектности. Постнеклассическая философия начинает разворачивать различные проекты реконцептуализации субъекта, видя в нем, прежде всего, субъекта действия, который является результатом длительного и сложного процесса онто- и филогенетического формирования и который вдобавок на определенном уровне развития начинает и сам себя программировать.

Поэтому постнеклассический субъект уже не может и не должен рассматриваться по классической модели самопрозрачного для самого себя цельного монолита, но будет предположительно представляться в виде конкретного и отдельного сложного комплекса многообразных компонентов. Таким комплексом будет и отдельный человек, объединяющий множество психологических механизмов и нейрофизиологических процессов с различными интериоризированными социокультурными ресурсами и инструментами, человек, становящийся, тем не менее, и именно поэтому субъектом благодаря наведенному обществом вменению – интерпелляции [Альтюссер 2011]. Таким комплексом тем будут и коллективные субъекты – организации, научные сообщества, корпорации, страны, партии [Жижек 2014], которые к тому же включают в себя помимо людей также и технические цивилизационные устройства и технологии [Деланда 2014].

Междисциплинарность

Для концептуального описания и теоретического моделирования подобных сложностных образований и сверхсложных неравновесных систем требуются междисциплинарные исследования, которые очень трудно осуществляются и еще труднее пробивают себе дорогу. Некоторые направления такого рода исследований (представленные, например, в работах Г.П. Щедровицкого и В.А. Лефевра, В.И. Аршинова и Я.И. Свирского) уже задействованы Лепским.

Однако не менее важным могло бы стать использование концепции сетей Латура, которая тоже не укладывается в существующую в настоящее время номенклатуру дисциплин. «Эпистемология, социология, науки о тексте могут рассчитывать получить место под солнцем только при условии, что будут оставаться обособленными друг от друга. Но если то, что вы исследуете, проходит сразу через три эти области, вас уже больше не понимают. Предложите вниманию уже укоренившихся дисциплин развернутую социотехническую сеть, наблюдаемые воочию переводы одного в другое – и первая группа – эпистемологии – извлечет оттуда все соответствующие понятия и вырвет с корнем все то, что могло бы соединить их с социальным контекстом или с риторикой; вторая группа извлечет социальное и политическое измерение и очистит сеть от какого бы то ни было объекта; наконец, третья сохранит дискурс, но очистит его от всяких неподобающих связей с реальностью и – *страшно сказать!* – с властными играми» [Латур 2006, с. 64]. По аналогии с предложенной Латуром пересборке социального [Латур 2014] стоит предпринять, по-видимому, также пересборку субъекта.

Целесообразно было бы также, наверное, задействовать теорию социальных эстафет М.А. Розова [Розов 2006], которая отличается даже не столько тем, что предоставляет удобные инструменты для исследовательской и проективной деятельности, сколько тем, что позволяет одним и тем же способом, используя одни и те же средства, концептуально выразить действие механизмов устройства общества и функционирования знания. Более того, именно благодаря изучению эстафет вполне можно проследить, как появление того или иного знания меняет всю цепочку действий и, наоборот, изменение серии действий отображается наблюдателем в последовательности знаков.

Гуманитарные технологии

Чтобы иметь возможность разбираться в таких ситуациях, как подчеркивает Лепский, необходимы определенные эвристические средства, которые не алгоритмизируют и не автоматизируют принятие определенного выбора, а расширяют спектры доступных возможностей. Подобные средства представляют гуманитарные дисциплины, но они пока, к сожалению, практически не достигают технологического уровня. К сожалению – поскольку те приемы и техники, которые используются в индивидуальной работе (в этом смысле «психотехники» или «социотехники» [Папуш 2001]), так или иначе, конструируются на базе различных технологий (посредством усвоения, присвоения, интериоризирования и адаптирования). «Порядок (технология) бьет класс (искусство)... Системная инженерия – это вот такие же “рельсы в мозгу” для работы со сложными техническими системами. Если вы перестраиваете ваши мозги на основании курсов системной инженерии, прокладываете в мозгах “рельсы мышления системного инженера”, то по окончании учебного курса в вашей голове вы сумеете удерживать как целое более-менее большие системы. Ну, а когда дойдет до уровня искусства, ибо этот уровень неразгаданного еще мастерства всегда есть, выяснится, что системы, которые у вас удерживаются в голове как целое, много больше, чем те системы, которые удерживаются в го-

лове самоучек, которые выросли в системных инженерах как Кулибины, сами по себе. Почему? Ну, потому что образованный Кулибин, он совсем гениальным Кулибиным будет, если он хорошо образован. А необразованный Кулибин имеет потолок в своей работе, поэтому ракеты у него время от времени будут взрываться и не долетать до той точки, куда надо» [Левенчук web].

Для того чтобы результаты гуманитаристики могли выйти за пределы внимания только узкого круга специалистов, необходимо было бы предпринять специальные усилия, а также продумать способы для придания им технологичности, которую стоит понимать как наличие возможностей для широкой прикладной применимости в тех или иных конкретных случаях. В противном случае будут возрастать риски техногенных катастроф, и, кроме того, пострадает авторитет гуманитарных наук. Ведь современная техника, чем дальше, тем больше распространяется среди широких масс, но ее разработчики не знакомы, как правило, с гуманитарными технологиями, хотя и декларируют свою приверженность эргономике и человекообразности интерфейсов. Наверное, пришло уже время для концептуального осмысления технологичности гуманитарного арсенала приемов и способов действия. «Мы находимся на поворотном пункте истории орудий труда, орудий, которые, возникнув в сфере труда физического, переступают его границы и вторгаются в сферу умственного труда человека» [Лем 2004, с. 12–13]. Вместе с этим стоило бы продумать, как организовать их продуктивное взаимодействие, которое могло бы реализоваться как междисциплинарное. Для эффективной реализации такого взаимодействия потребуется технологическое использование разнообразных философских ресурсов, которые оттачиваются в разворачивающихся практиках мысли, порождая попутно множества различных методов и инструментов. Поэтому философские технологии (можно сказать даже «технэ-логии») будут выступать не только как средства для генерирования собственных внутрифилософских результатов (создание новейших концепций), но и как потенциально универсальные инструменты для работы с остальными технологиями, а потому смогут быть рассматриваемы в качестве метатехнологий. Обеспечивается осуществимость подобных результатов с помощью таких принципиальных характеристик философских технологий, какими выступают рефлексивность, проективность и перформативность.

Тем самым ставятся под вопрос непроявленные и непроясненные расхожие представления о гуманитарном знании, которое предположительно способно моментально распространяться и осваиваться (подобные представления оказываются следствием классических допущений о необходимой связи знания с действием – как будто из знания должного автоматически вытекает правильное действие). Такие представления требуют замещения разработанными знаниями о способах разворачивания и действенности гуманитарных технологий. Таким образом, гуманитаристика, которая пока еще остается почти замкнутой сама на себя и почти редуцированной к субъективным поступкам отдельных индивидов, сможет достичь технологического уровня построения разнообразных сетей, доступных для всех. Причем гуманитарные технологии вовсе не должны будут, конечно, стать подобными алгоритмизированным машинам массового индустриального производства, а должны будут поставлять конкретному человеку средства и ресурсы для осмысления и адекватного действия в

его собственных проблемах и ситуациях, – в виде техник и приемов индивидуализированной работы, а также в виде схематичного и генерализованного спектра доступных возможностей. В этом смысле речь идет о необходимости разработки постиндустриальных технологий на уровне социокультурном и общецивилизационном, которые критически важны для ответа на современные вызовы системных кризисов, обозначающих начало фазового перехода к предположительно новому, когнитивному этапу развития человечества [Переслегин 2009]. Именно здесь и открывается как раз широкий простор для реализации изошренных масштабируемых философских и общегуманитарных технологий, адаптируемых применительно к конкретным проблемам.

Перформативность коммуникации

Важно, что построение проектов развития и их предполагаемая реализация осуществляются в определенном социокультурном контексте и выполняются посредством коммуникации. В этом смысле коммуникация, с одной стороны, представляет собой разворачивание социальных отношений, актуализирующихся в интерактивном обмене, т. е. как раз коммуникативно. Общество, с другой стороны, воплощает постоянно воспроизводящийся практически [Волков, Хахордин 2008] и достаточно устойчивый паттерн суперпозиции множества всех актуальных и потенциальных коммуникативных процессов. Причем коммуникация предполагает обязательно также и коммуникацию по поводу коммуникации – так называемую метакоммуникацию, которая будет перформативно разворачиваться в том же самом коммуникативном взаимодействии. Поэтому теоретические претензии и концептуальные ходы, заявляемые и выполняемые мыслителем, остаются в том же самом социокультурном контексте, производя в нем же определенные возмущения.

Подобно тому, как абстракция закона или некоторого социального отношения не действует автоматически в силу одного своего наличия (по-иному дело обстоит разве что в идеальном мире идеальных объектов) и требует конкретных действий конкретных людей для своего выполнения или практической реализации, так и понимание общества осуществляется конкретным теоретиком внутри, как правило, того же самого общества. С другой стороны, само знание о социальных отношениях, доступное участникам этих отношений, потенциально не может не изменить их. «Есть социальная система, представляющая собой множество каких-то элементов, есть многообразие ее отражений или отображений, поскольку объекты самих этих систем (или “субъекты” этих систем) есть субъекты, наделенные сознанием, т. е. отражениями состояний самой системы, элементами которой они являются. Значит, мы имеем не просто систему многообразия отражений, а мы имеем такое многообразие отражений, которые являются элементом самой же системы, которые, в свою очередь, порождают многообразие» [Мамардашвили 2004, с. 61]. Поэтому современный мыслитель должен, по крайней мере, отрефлексировать эту ситуацию, понимая, что его высказывания не только описывают социальную реальность, но и перформативно производят в ней какие-то эффекты; говоря о коммуникации, мы неизбежно в нее вступаем.

Экологическое равновесие

Нужно также не забывать, что в процессе развития субъектам приходится преодолевать не только сопротивление среды, но и инерцию социальных, культурных и цивилизационных практик, как-то сглаживать неизбежно возникающие из-за этого конфликты, предупреждать или компенсировать сопутствующие негативные и деструктивные факторы роста, а также очень деликатно обходиться с чрезвычайно болезненными для людей узловыми точками, связывающими их психологические комплексы с традиционными способами, формами и образами жизни [Касьянова 2003; Яковенко, Музыкантский 2010], чего Лепский, к сожалению, не отмечает.

Кроме того, стоит иметь в виду, что прямолинейные способы управления стихийно складывающимися практиками почти сразу сталкиваются с проблемами, принципиально неразрешимыми с помощью прежних инструментов. Так, например, «модель прямого директивного управления (“счетной игры”), построенная во второй половине XIX столетия, уже в ходе Первой мировой войны столкнулась с непреодолимой трудностью, известной как *кризис аналитичности*. Суть проблемы состояла в одинаковости мышления сторон, вернее, в схожем уровне грамотности такого мышления» [Переслегин 2005, с. 139]. Для выхода из такой ситуации потребовалось рефлексивное решение, наиболее конструктивный и продуктивный вариант которого «предполагал создание механизма управления над полем возможных управленческих решений (управление управлением, управление директивными балансами). Такой механизм... получил название проектного управления» [Переслегин 2005, с. 140]. Позднее, уже в конце XX в. «на смену кризису аналитичности пришел *кризис проективности*» [Переслегин 2005, с. 141]. Сценарное мышление или «ситуационное управление есть попытка решить этот кризис апробированным способом: выходом в следующий рефлексивный слой, созданием механизма управления над полем возможных проектных решений (управление проектностью, управление проектными балансами)» [Переслегин 2005, с. 141].

Поэтому стратегически продуктивным возможным выходом могло бы стать последовательное использование в мышлении и практике принципов выявления, учитывания, моделирования, выстраивания и поддержания тем или иным способом желаемых ситуаций так или иначе понимаемого экологического равновесия [Бейтсон 2000], рассматривая процесс развития как переход от одного равновесия к другому.

Список литературы

- Альтюссер 2011 – *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 3–15.
- Бейтсон 2000 – *Бейтсон Г.* Экология разума. М.: Смысл, 2000. 476 с.
- Волков, Хахордин 2008 – *Волков В.В., Хархордин О.В.* Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. Ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
- Деланда 2014 – *Деланда М.* Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург: Кабинетный ученый; М.: Ин-т общегуманитар. исслед., 2014. 338 с.

- Жижек 2014 – *Жижек С.* Щекотливый субъект. М.: Дело, 2014. 528.
- Касьянова 2003 – *Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 560 с.
- Латур 2006 – *Латур Б.* Нового времени не было. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
- Латур 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 384 с.
- Левенчук web – *Левенчук А.* Метаноя для контринтуитивных практик – 1. URL: <http://ailev.livejournal.com/1013690.html> (дата обращения: 05.05.2017).
- Лем 2004 – *Лем С.* Сумма технологии. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 668 с.
- Лепский 2016 – *Лепский В.Е.* Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016. 130 с.
- Мамардашвили 2004 – *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004. 240 с.
- Папуш 2001 – *Папуш М.* Психотехника экзистенциального выбора. М.: Ин-т общегуманитар. исслед., 2001. 544 с.
- Переслегин 2005 – *Переслегин С.Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. 619 с.
- Переслегин 2009 – *Переслегин С.* Новые карты будущего. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2009. 701 с.
- Розов 2006 – *Розов М.А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. Смоленск: Изд-во СГУ, 2006. 439 с.
- Яковенко, Музыкантский 2010 – *Яковенко И.Г., Музыкантский А.И.* Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь, 2010. 320 с.

Reassembling the subject and the problem of development

Vasily Kuznetsov

CSc in Philosophy, Associate Professor. Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: vassilik@yandex.ru

The paper considers the problems outlined in the book by V.E. Lepskiy “Analytics of Assembly of the Subject of Development”. Lepskiy frames the problem of development as a philosophical one, but he goes beyond conceptual analysis in his treatment: he offers some concrete ways and means of application of the results of development studies in development projects of varying scale. Positive thinking aims at a search for ways out of any conundrum, even if for a coherently critical eye it seems like there aren’t any. Therefore it is hard to condemn Lepskiy’s consistent optimistic outlook of the contemporary situation, which is very complicated on several levels of study and increasingly complex with regards of ways of its development. The first question is the question of the subject of development. The classical conception of the subject as solid and self-transparent is neither viable nor feasible anymore. Description and modeling of such complex reflexive constructions and complex imbalanced systems requires an interdisciplinary approach. Some attempts in this vein (as represented in the works of G. Schedrovitskiy, V. Lefevre, V. Arshinov and Y. Svirskiy) have already been explored by Lepskiy. However, no less important would be to use Latour’s theory of networks and M. Rosov’s theory of social relay. In the process of development, subjects encounter not just the resistance from the environment but also the inertia of social, cultural and civilizational practices. They have to somehow smoothen the arising conflicts, prevent or compensate for accompanying

negative or destructive growth factors and treat very gently some very sore nodal points which connect people's psychological complexes to traditional forms, ways and styles of life. This point is sadly missing from Lepskiy's work.

Keywords: subject, subject of development, post-nonclassics, post-nonclassical subject, interdisciplinarity, reflexion, thought ecology

References

Althusser, L. "Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva" [Ideology and Ideological Apparatus of the State], *Neprikosnovennyi zapas*, 2011, no. 3, pp. 3–15. (In Russian)

Bateson, G. *Ekologiya razuma* [Steps to an Ecology of Mind]. Moscow: Smysl Publ., 2000. 476 pp. (In Russian)

Delanda, M. *Voina v epokhu razumnykh mashin* [War in the Age of Intelligent Machines]. Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi Publ.; Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2014. 338 pp. (In Russian)

Kas'yanova, K. *O russkom natsional'nom kharaktere* [On the Russian National Character]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2003. 560 pp. (In Russian)

Latour, B. *Novogo vremeni ne bylo* [We Have Never Been Modern]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2006. 240 pp. (In Russian)

Latour, B. *Peresborka sotsial'nogo* [Reassembling the social]. Moscow: Izd. dom Vyssei shkoly ekonomiki Publ., 2014. 384 pp. (In Russian)

Lem, S. *Summa tekhnologii* [Summa Technologiae]. Moscow: AST Publ.; St. Petersburg: Terra Fantastica Publ., 2004. 668 pp. (In Russian)

Lepskiy, V. E. *Analitika sborki sub"ektiv razvitiya* [Analytics of Assembly of the Subject of Development]. Moscow: "Kogito-Tsentr" Publ., 2016. 130 pp. (In Russian)

Levenchuk, A. *Metanoiya dlya kontrintuitivnykh praktik – I* [Metanoiya for Counterintuitive Practices – I]. [<http://ailev.livejournal.com/1013690.html>, accessed on 05.05.2017] (In Russian)

Mamardashvili, M. K. *Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti* [The Classical and Non-Classical Ideals of Rationality]. Moscow: Logos Publ., 2004. 240 pp. (In Russian)

Papush, M. *Psikhotekhnika ekzistentsial'nogo vybora* [Psychotechnics of the Existential Choice]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2001. 544 pp. (In Russian)

Pereslegin, S. *Novye karty budushchego* [New Maps of the Future]. Moscow: AST Publ.; St. Petersburg: Terra Fantastica Publ., 2009. 701 pp. (In Russian)

Pereslegin, S. *Samouchitel' igry na mirovoi shakhmatnoi doske* [Self-instruction Game on the World Chessboard]. Moscow: AST Publ.; St. Petersburg: Terra Fantastica Publ., 2005. 619 pp. (In Russian)

Rozov, M. A. *Teoriya sotsial'nykh estafet i problemy epistemologii* [The Theory of Social Relay Races and Problems of Epistemology]. Smolensk: SGU University Publ., 2006. 439 pp. (In Russian)

Volkov, V. V., Kharkhordin, O.V. *Teoriya praktik* [Theory of Practices]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2008. 298 pp. (In Russian)

Yakovenko, I. G., Muzykantskii, A. I. *Manicheistvo i gnostitsizm: kul'turnye kody russkoi tsivilizatsii* [Manicheism and Gnosticism: Cultural Codes of Russian Civilization]. Moscow: Russkii put', 2010. 320 pp. (In Russian)

Žižek, S. *Shchekotlivyi sub"ekt* [The Ticklish Subject]. Moscow: Delo Publ., 2014. 528 pp. (In Russian)